

«АНГЛИЙСКИЙ РОМАН» АННЫ КАРЕНИНОЙ.
К ИССЛЕДОВАНИЮ АНГЛОМАНИИ В РОМАНЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Наталья Сарана
(Москва)

В русском культурном сознании образ Англии, английская тема как парадоксальное средоточие культурных, художественных, политических реалий становится предметом осмысления и порой острого конфликтного переживания в XIX в. В 1850–1870-х гг. в русской истории и культуре формирование образа Великобритании как сложного комплекса реальных и мифологизированных элементов происходит наиболее интенсивно. Проблема рецепции атрибутов английской культуры — одно из общих мест целого ряда междисциплинарных исследований, как в отечественной, так и в европейской науке.

Роман «Анна Каренина», который сам Толстой называл романом из современной жизни, практически с документальной точностью запечатлел моду на «английское» в высшем свете в 1870-е гг. В статье мы остановимся на одной сюжетной линии романа, представляющей ключевой для исследования англомании в «Анне Карениной»¹. В 29 главе первой части романа Анна едет из Москвы в Петербург в поезде и читает английский роман:

Анна ответила несколько слов дамам, но, не предвидя интереса от разговора, попросила Аннушку достать фонарик, прицепила его к ручке кресла и взяла из своей сумочки разрезной ножик и английский роман. Первое время ей не читалось. <...> Аннушка уже дремала, держа красный мешочек на коленях широкими руками в перчатках, из которых одна была прорвана. Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли

¹ Для анализа «английского» в тексте «Анны Карениной» ключевыми исследованиями нам представляются работа Н. К. Гудзии «Лев Толстой», сборник работ и статей о Л. Н. Толстом Б. М. Эйхенбаума, а также книга Б. Леннkvист «Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина».

она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать.

Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? «Чего же мне стыдно?» — спросила она себя с оскорбленным удивлением [Толстой 2008: 136].

По нашему предположению, Толстой сложил вместе все самые характерные сцены из английской прозы и превратил их в абсолютное клише. Так, мотив «ухода за больным» и сцены охоты можно найти во многих английских романах XIX в.

Присутствие в романе «члена парламента», произносящего речь, как и самого парламента, тоже характерно для произведений английской литературы XIX в., особенно в связи с чартистским движением: см., например, «Сибил» (1845) Б. Дизраели или «Алтон Локе» (1850) Ч. Кингсли. Можно также вспомнить о романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1850), в котором главный герой одно время работал парламентским репортером. «Речь в парламенте» отсылает нас и к обстоятельствам биографии самого Толстого: во время путешествия по Европе в 1860–1861 гг. он посещал заседания парламента в Лондоне.

Имя Мэри также встречается во многих романах конца XVIII–XIX в., начиная с романа «Мэри» М. Уолстонкрафт, а также «Мэри Бартон» Э. Гаскелл до произведения Г. Росселя «Приключения Доктора Бреди», печатавшегося с октября по декабрь 1868 г. в «Русском вестнике».

Существует и другая гипотеза об источнике романа, описанного Толстым. В книге «Кто предал Елизабет Беннет? Головоломки в классической литературе» Дж. Сазерленд предполагает, что Толстой описывает отрывки из нескольких романов Троллопа, таких как “Phineas Finn, the Irish Member”, “Is he Popenjoy?” и “The Claverings” [Sutherland 1999: 221–222]. Отметим, что в домашней

библиотеке Толстых было собрание сочинений Троллопа на английском языке [Библиотека Л. Н. Толстого 1999: 328–331].

Существует также «уточняющая» теория: источником выступает один единственный роман Троллопа — «Премьер-министр». Сторонники этой теории приводят в подтверждение отрывок из письма Толстого брату С. Н. Толстому от 10 января 1877 г.: «The Prime Minister прекрасно» [Толстой 2006а: LXII, 302]. По нашему мнению, эта теория ошибочна: роман Троллопа был написан в 1876 г., тогда как первые главы «Анны Карениной» писались в 1873–1874 гг. Роман английского писателя “Is he Popenjoy?” (1878), приведенный в пример Дж. Сазерлендом как один из возможных источников для Толстого, был также написан после «Анны Карениной».

Постараемся предложить конкретный источник толстовского «английского романа». Читателю известно, что Анна едет в конце зимы из Москвы в Петербург. Как и любая другая представительница светского общества, Анна читает новые журналы, чтобы быть в курсе всех новостей, новых веяний моды и литературных новинок. Одним из журналов могли быть «Отечественные записки». В январе 1872 г. в «Отечественных записках» начинается публикация романа Дж. Эллиота (М. Э. Эванс) «Мидлмарч» (продолжилась до августа 1873 г.) [Мидлмарч 1872]. По нашему предположению, именно этот роман Анна могла читать в поезде.

При сравнении толстовского «английского романа» и романа «Мидлмарч» описываемые события совпадают. Так, например, одну из главных героинь романа зовут Мэри, а один из героев романа баллотируется в парламент. Можно соотнести и другие сюжетные подробности романа, будь то сцена «ухаживания за больным» или похожая на судьбу Анны история Доротеи Брук, которая, будучи несчастлива в браке, влюбляется в более молодого и интересного человека. Единственное сюжетное несовпадение заключается в отсутствии сцены охоты как таковой, но в романе «Мидлмарч» разговорам об охоте, лошадях и собаках уделено много внимания. Возможно, сцена охоты, как классическое английское, а также любимое Толстым (см., например, сцену охоты в «Войне и мире»), занятие могло быть включено автором в повествование как общая «английская» характеристика.

Роман «Мидлмарч» читал и сам Толстой. В семейной библиотеке Толстых было несколько произведений Дж. Эллиота, а изда-

ние романа «Мидлмарч» содержит многочисленные подчеркивания, в том числе пометки самого Л. Н. Толстого [Библиотека Л. Н. Толстого 1999: 329]. В письме книгоиздателю М. М. Ледерле от 25 октября 1892 г. Толстой присылает список книг, где приводит «George Elliot, романы» наравне с сочинениями Троллопа, Гюго, Иллиадой и Одиссеей, как произведения, повлиявшие на писателя с «35-то до 50-ти лет» [Толстой 2006b: LXVI, 68]. А в предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин» он отмечает, что

на моей памяти, за 50 лет, совершилось это поразительное понижение вкуса и здравого смысла читающей публики <...> Другой поразительный пример английских прозаиков. От великого Диккенса спускается сначала к Джорж Эллиоту, потом к Теккерее. От Теккерея к Трлопу, а потом уже начинается безразличная фабрикация Киплингов, Голькенов, Ройдер Гагартов и т. п. [Толстой 1955: 500].

Анна как великосветская дама могла читать новый выпуск «Отечественных записок» с романом «Мидлмарч» в конце зимы. Произведение начали печатать в январе, оно выходило в «Отечественных записках» две зимы подряд — в течение зимы 1872 и 1873 гг. Героиня, вероятно, могла читать этот роман и в оригинале, отдельной книгой, а не перевод в приложении к журналу.

Чтение Анной английского романа — это матрица ее личной истории. Ее реакция на чтение романа представляется наиболее важной характеристикой самой Анны. В раннем варианте роман должен был начинаться так: «Гости собирались в конце зимы, ждали Карениных и говорили про них. Она приехала и неприлично вела себя с Гагиным» (цит. по: [Эйхенбаум 2009: 642]). Как пишет Б. М. Эйхенбаум,

эта глава и была набросана 18 марта 1873 г. Она начинается словами: «Гости после оперы съезжались к молодой княгине Врасской». Княгиня Врасская (будущая Бетси Тверская) говорит об Анне: «Заметили вы, как она похорошела. Она положительно не хороша, но если бы я была бы женщиной, я бы с ума сходила от нее». На это гость-дипломат замечает: «О да! Последнее время она расцвела. Теперь или никогда для нее настало время быть *героиней романа* <курсив здесь и далее. — Н. С.>». В том же варианте есть и другая реплика: «Я никогда не могла понять... что в нем [Алексее Александровиче] замечательного. Если бы мне все это не твердили, я бы просто приняла его

за дурачка. И с таким мужем *не быть героиней романа* — заслуга» [Эйхенбаум 2009: 642–643].

Эти реплики можно понять и так, что Анне настало время быть героиней не столько даже любовного, сколько адюльтерного романа. Надо заметить, что в первой редакции в описании поездки Анны из Москвы в Петербург отсутствовал рассматриваемый эпизод с чтением английского романа:

«Ну, все кончено, и слава Богу, — подумала Анна, как только она села одна с Аннушкой в вагон, — все кончено, и слава Богу, а я дурно поступила, и я могла увлечься, да, могла».

Ни знакомых, ни приятных лиц никого не было. Попробовала почитать, бросила, и началось то волшебное тяжелое состояние — полусветло, чужие лица, шопот, вздрагиванье, то тепло, то холодно, а там отворенная дверь, мрак, буря, снег и подтянутый кондуктор с следами бури на воротнике [Толстой 2008: 135].

Если иметь в виду, что в конечном варианте этот эпизод был переработан, а и «английский роман» был вписан в повествование, то, возможно, «быть героиней романа» для Анны — это именно хотеть «слишком самой жить».

Вернемся еще раз к анализируемому нами отрывку:

Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имени, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? «Чего же мне стыдно?» — спросила она себя с оскорбленным удивлением [Там же: 136].

Анне стыдно за это «английское счастье», она видит его искусственность. «Английское счастье» для нее не просто счастье в романе, который она читает, для Анны это понятие содержит множество компонентов, в т. ч. связывается с ее воспитанием.

Фамилия Анны и Стивы Облонских отсылает нас к древнему княжескому роду Оболенских (среди которых были и известные англomanы). Отсылка к действительно существующему древнему аристократическому роду важна для понимания образа Анны тем, что мы можем примерно представить образование, которое получали девушки в таких семействах, — традиционное воспитание, где не был принят «английский обычай — совершенной свободы девушки» [Там же: 75].

Если иметь в виду, что Анне на момент начала романа двадцать восемь лет, то можно предположить, что ее родители воспитывались и выросли в первый период англomanии в России (см. периодизацию А. В. Предтеченского в работе «Англomanия» [Предтеченский 1999: 45]). Анна уже с детства воспитывалась в русской традиции, в то же время испытывая влияние английской моды, английских идей воспитания. См. рассуждение княгини о судьбе Кити:

Но как же нынче выдают замуж, княгиня ни от кого не могла узнать. Французский обычай — родителям решать судьбу детей — был не принят, осуждался. Английский обычай — совершенной свободы девушки — был тоже не принят и *не возможен в русском обществе*. Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись все и сама княгиня [Толстой 2008: 75].

Столкновение английского и русского глубже и острее высвечивает внутренний разлад героини. Эта идея прослеживается и при дальнейшем анализе светского общества мужа Анны, пропитанного англomanией. Мы видим Анну в двух светских кругах — в кружке Лидии Ивановны, кружке «старых, некрасивых, добродетельных и набожных женщин и умных, ученых, честолюбивых мужчин» [Там же: 166] и в круге Бетси Тверской, который был «свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одною рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же» [Там же].

Высший свет и его предводительница Бетси Тверская в романе представляет собой, по точному замечанию Б. М. Эйхенбаума, общество «профессиональных грешников». Это же общество следует последней моде — моде на все английское. В гостиной Бетси ведут “small-talk”, пересыпают разговор английскими пословицами, сама Бетси ездит в модном английском экипаже и играет в крокет. Именно с описанием круга Бетси Тверской англomanия в романе начинает приобретать отчетливую отрицательную окраску как синоним поверхностной жизни, как неотъемлемая черта «светского дна, обитатели которого не знают никаких нравственных законов» [Эйхенбаум 2009: 671].

Но и кружок Лидии Ивановны — «совесть петербургского общества», как назвал его «один из умных людей, принадлежа-

щих к этому кружку» [Толстой 2008: 166], подвержен все той же англomanии, однако она выражается в моде на спиритизм, миссионерство и духовную литературу. Толстому не менее неприятна «духовная» англomanия: Каренин находит в его новом учении лишь «мнимое спасение», подобно тому, как Anne легче бывать в поверхностном обществе Бетси.

По нашему мнению, в романе «Анна Каренина» стягиваются все прежние мимолетные и более пристальные обсуждения, упоминания английского в других текстах Толстого. В этом смысле «Анна Каренина» — точка сборки.

ЛИТЕРАТУРА

- Библиотека Л. Н. Толстого 1999: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиогр. описание. М.; Тула, 1999.
- Мидлмарч 1872: *Мидльмарчъ*. Картины провинциальной жизни. Роман Джорджа Эллиота // Отечественные записки: Журнал политический, литературный и ученый. СПб., 01/1872–08/1873.
- Предтеченский 1999: *Предтеченский А. В.* Из творческого наследия: [История обществ.-полит. мысли, рус. культуры. Мемуары, заметки. Из переписки, воспоминания]. СПб., 1999.
- Толстой 1955: *Л. Н. Толстой*. О литературе. М., 1955.
- Толстой 2006а: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1953. Т. 62: Письма 1873–1879.
- Толстой 2006б: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1953. Т. 66: Письма 1891 (июль–декабрь) – 1893.
- Толстой 2008: *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М., 2008.
- Эйхенбаум 2009: *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009.
- Sutherland 1999: *Sutherland John*. Who Betrays Elizabeth Bennet?: Further Puzzles in Classic Fiction. Oxford University Press, 1999.